

Валерий
Митрохин

КОЛЫБЕЛЬ

Митрохин В. В.
М 67 Колыбель: Роман. — М.: Мол.-гвардия, 1985. —
319 с., ил.

95 коп. 100 000 экз.

В романе «Колыбель» ставится проблема взаимоотношений человека и природы, их неразрывной диалектической связи. На примере жизни своих литературных героев автор призывает к вдумчивому, бережному подходу к окружающей среде — колыбели человечества, подводит читателя к мысли, что человек должен жить в согласии с матерью-природой, сохранить ее здоровье для потомков.

М 4702010200—338
078(02)—85 — КБ 025—012—85

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 4887

КОЛЫБЕЛЬ

Редакторы Л. Крохалева, В. Пелихов
Художник И. Фадин
Художественный редактор А. Романов.
Технический редактор Т. Шельдова
Корректоры И. Ларина, В. Назарова

Сдано в набор 29.04 85 Подписано в печать 14.11 85 А13724.
Формат 70×108^{1/32} Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная» Печать высокая Усл печ л. 14. Усл. кр.-
отт 14,35. Учетно-изд. л. 14,7 Тираж 100 000 экз. (1-й завод
50 000 экз.). Цена 95 коп Заказ 797.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сушчевская, 21.

**Валерий
Митрохин**

КОЛЫБЕЛЬ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

К читателю

В этом романе переплетается прошлое и настоящее, реальное и фантастическое. Автор попытался проникнуть в тему взаимосвязи человека и природы, полнее отобразить ее многообразие и сложность.

Действие романа разворачивается в степной зоне нашей страны, где ведутся большие работы по преобразованию края, рациональному использованию его природных богатств. В проявлении своего гражданского чувства писатель подчас категоричен. Возможно, не во всем читатель будет согласен с ним, но несомненно одно: роман призывает к раздумью, к борьбе с равнодушием и инерцией в таком жизненно важном деле, как сохранение природы для будущих поколений.

М 4702010200—338 КБ 025—012—85.
078(02)—85

Рыбе море, птице воздух,
а человеку Отчизна вселенский круг.

Русская пословица

Как только высокие весенние ветра поднимут потемневшую в зимних холодах воду моря до бурых корней Зеленого Камня, торчащего из желтого обрывистого берега, едва она проникнет в пределы обиталища Златобрюха Извечного, в тайну тайн его — вместительную воронкообразную карстовую полость, пахнущую горечью и солью шторма, — рождается в недрах мыса тонкая непрерывная музыка падающих капель. Эти звуки и начинают будить Извечного от зимней спячки. Едва солнечные лучи, отвесно упавшие на скалы, согреют почву и камни, едва это тепло станет постоянным и надежным, поднимутся выкопавшиеся из глубоководного ила обитатели моря, подойдут ближе к берегу и приступят к извечному своему делу — продолжению рода.

Но еще не скоро разовьет Златобрюх три кольца, надежно охвативших еще минувшей осенью тайну тайн обиталища. Это произойдет, когда голод окончательно возвратит владыку в чувство, когда его совершенное тело содрогнется от спазмы. Толчками прокатится она от зева до кончика хвоста, и Златобрюх Извечный вздрогнет. Его долгое тело станет медленно, подчиняясь ритму подземной капли, освобождаться от оцепенения. Трижды обвитое вокруг воронкообразной, наполненной водою моря полости, оно в бесконечно очередной раз воскреснет из небытия.

Медленно радужным ручейком просочится Хранитель Времени между жесткими пластинами песчаника на по-

верхность земли и, еще совсем не контролирующий себя, плохо ориентирующийся в пространстве, заскользит по отвесной стене обрыва к самой воде, испытывая радостную боль от ушибов. Вода легко подхватит его безвольное, словно плоть, иссохшее в неподвижности тело, даст ему свое первое тепло и упругую силу, и он окончательно придет в себя. Всем существом — от раздвоенного кончика черного языка до саднящего от солевой влаги хвоста — почувствует: рядом затаился шершавый лупоглазый бычок-песчаник, пронзенный солнечным лучом, совсем незаметный на фоне серого, еще холодного дна. Прозрачный, словно сама вода, налитой сладким соком жизни, бычок так и не поймет, что произошло, потому что в происшедшем не будет ничего трагического.

Отяжелевший Златобрюх Извечный еще немного прогреется на теплом песке и начнет свое первое после длительного перерыва восхождение к Зеленому Камню. Несколько раз на полпути к цели сорвется. Достигнув Камня, станет на его вершине, чтобы осмотреться: покачивающийся от истощения, с поблекшей в темноте и в сырости чешуей, которая вдруг напомнит потускневшие, схваченные окисью монеты былых веков и народов. Глядит извечный Страж Времени вокруг: на высокий желтый берег, обрывающийся к успокоившемуся морю, на выпуклую глянцевую акваторию залива, на серый хаос мыса, холмистую степь, начинающуюся сразу же за нагромождением камней, уходящую к вулкану, несущую на своих седеющих волосах серебристую бабочку — озеро Актуз, из-за которого доносится сладкий запах молока, молодых цветов, свежевзрыхленной земли, дух человеческого жилья...

Видит владыка: за время его зимнего сна ничего не изменилось.

Мир пребывает все в том же покое и гармонии. Нетленен он и прекрасен. Вечен мир.

ВСТРЕЧА

Давний и, как показалось, хорошо когда-то знакомый, но позабытый дух проникал в город. Он толкал Олисаву в грудь. Проникал в легкие, солоноватой свежестью наполнял все его существо. Особенно ощутимым дух этот бывал по утрам. Выходил Владимир на улицу — у него плавно и легко кружилась голова. Он упивался чудесным веянием... В эти мгновения его всякий раз охватывало предчувствие чуда. Сразу вспоминалось приятное, которого в жизни было немало. Ему — вперемежку с воспоминаниями — рисовалось счастливое будущее. Он забывался, но не надолго, потому что сразу же на смену прекрасным картинам былого приходило осознание того, что совсем недалеко от города, считай, под этим же небом, на краешке земли в Красных Кручах умирал его отец, которого по давней привычке все кличут Вовка Олисава. Сердце схватывало холодно и болезненно. Такие утра, их нежную радость отец — пятидесятидевятилетний, одинокий, — наверное, уже не ощущает. Глядя на солнечный, раздвигающийся во времени и пространстве мир, он, может быть, его и видит, но во всей полноте уж не воспринимает. Оконце, в которое этот свет проникает, оконце души отца затягивается все гуще, словно пылью. И скоро, видно, погаснет оконце... Боль этого понимания становилась для сына невыносимой. И если бы не песня, которую за собой влекла эта боль, песня, которую любила бабка Лукерка, песня, которая начинала звучать и в нем, сыне, не знал бы Владимир Владимирович, как переживет горе утраты:

Чом ты не прыйшов,
Як мисяць зыйшов?

Утро было золотым. И утренний воздух — тот, ставший по-новому памятным дух — позвал и повел Олисаву. И чем ближе он подъезжал к морю, тем увереннее понимал: это воздух моря.

В зеркальце бокового обзора Олисава заметил пеструю птицу. Она стремительно нагоняла машину, а когда поравнялась, Олисава краем глаза попытался ее рассмотреть. Но как ни напрягался, так и не узнал. Олисава подумал, что птица эта ему незнакома потому, что раньше такие в этих местах не водились. Видимо, новосел она. Видимо, появилась она тут после того, как построили канал и пришла сюда новая вода. Птица с красным клювом и такого же цвета глазами, желто-голубыми крыльями и журавлино-цветным пером на шее и туловище имела сорочий хвост. И должна была бы производить веселое впечатление. В другое время Олисава остановил бы машину, вышел и рассмотрел ее, наверняка сидящую где-нибудь на проводах вдоль дороги. И стало бы ему легко и приятно от пахучего степного воздуха, от буйно занявшейся разнотравьем степи, от идущих к небу посевов, от молодости своей, незаметно переросшей в иной, пока непонятный до конца возраст, от этой диковинной птицы... Сейчас же Олисава стремился вперед, выжимал из машины все, на что она была способна. И птица, летящая рядом, казалось, без особых усилий, играючи, может, если захочет, оставить машину далеко позади. Олисава, хоть и решил не обращать на попутчицу внимания, все же невольно боковым зрением видел пестрое ее пятно. Чтобы как-то отвлечься, стал вспоминать недавний телефонный разговор.

Когда Олисава узнал, что отец болен, сразу же позвонил в райбольницу Комитасу. Главный врач подтвердил — отец неизлечим, но ехать тут же, сейчас же, не советовал: больной переживает самый тяжелый период... Врач говорил страшные слова. Олисава из последних сил слушал их, прижимая горячую телефонную трубку к лицу... И вот этот момент наступил. Комитас позвонил сам. Бесстрастным голосом велел приезжать и как можно скорее. Натка тоже порывалась ехать, но Олисава решительно отказал жене. Веснушка же пока ни о чем не подозревала. Чтобы избежать объяснений с дочкой —

почему ты не берешь меня в Красные Кручи?! — Олисава уехал от нее тайком.

Жену и дочку Олисава всегда старался уберечь хотя бы от той жизненной горечи, от которой в состоянии был оградить. Это он и считал главным долгом мужа и отца, этим всегда руководствовался, по этому закону поступил и теперь.

Мужичья Гора, еще десять лет назад большая деревня, превратилась в городок. Многоэтажные дома заслонили когда-то самую большую в округе высоту — саму гору. И она теперь смущенно спряталась за домами — покатаая, осевшая под тяжестью времени. Одно ее крыло уже застроено все теми же домами. Где-то в той стороне райбольница. Олисава в Мужичьей Горе не был порядком и потому поехал по центральной улице городка, полагая, что она и есть та самая, на которой райбольница. А когда понял, что ошибся, что бывшая центральная улица сместилась чуть ли не на окраину, переулками, раздолбанными тяжелыми грузовиками еще в зимнюю распутицу, Владимир стал выбираться к больнице. В воротах его ждал старый Комитас, отец главного врача.

— Входи к нему как ни в чем не бывало... Он спокоен, — вместо приветствия сказал старый лекарь и пошел на крыльцо первый.

Олисава на задрожавших ногах двинул следом, рассеянно кивая каким-то вроде бы знакомым двум дедам в белых больничных то ли халатах, то ли куртках.

Отец лежал в отдельной узкой с небольшим окном палате. Койка солдатская, рядом стул, тумбочка, на ней кружка с водой.

— Привет! — улыбнулся отец желтозубо и кашлянул.

Эти звуки — слов и кашля — были такие слабые,

такие не его, Вовки Олисава, что сын побоялся ответить, побоялся рот раскрыть, чтобы вместе со словами не вылетели рыдания. Он подошел к отцу, наклонился и легко пожал его мальчишески узкую, без единой мозоли прохладную ладонь. Потом поцеловал отца в губы.

— Ну, как там?! — спросил отец.

Владимир опустил на стул; лицо оказалось в тени, и это его устраивало: если что, отец не заметит.

— Там все в порядке. Веснушка ходит в школу.

— Натка... Как там она? Как жизнь у вас?

— Живем себе, работаем.

— У свата давно был?

— Под Новый год ездил, кабана кололи.

— Должно, отсеялся только, пропашные как раз, — озабоченно проговорил Вовка.

У Олисава схватило горло. Он снова сцепил зубы.

— Всей бы плюсной сейчас, — прошептал Вовка, — по землице пройтись...

«Надо перевести разговор на другое».

— Может, купить чего, батя?

— Что ты имеешь в виду, сынок? — повернулся лежавший навзничь Вовка.

— Что любишь? — продолжал Олисава.

— Еды мне тут хватает, да к тому ж в последнее время я почти что и не того... Мне еда теперь без надобности. Ты мне, сынок, костюм купи, рубаху, на ноги чего. Нового у меня нету, все ношеное, а Мария говорит, что надо в новом... Галстук не надо. Я не люблю их, эти галстуки.

— Кто говорит?! — прошептал Олисава.

— Да мать же... — спокойно пояснил отец. — Она мне еще сказала: хватит, Вова, по чужим домам ходить, давай до меня прибивайся.

Сын откинулся на спинку стула, закинув голову на-

зад, словно кровь из носу пытался остановить, прижал руки к переносице.

— Ты чего, сынок? — спокойно спросил отец. — Плачешь?

Олисава замер.

— Чего ты плачешь?

— Тебе больно, батя!

— Сейчас совсем уже не больно. Я счастливчик. Другие, знаешь, как страдают, а у меня не болит. Поначалу болело, когда дома был. Просыпался ночью... А теперь нет. Должно, попривык я. Тогда мне, знаешь, сны плохие снились. Будто я на столбе, а внизу огонь — высокий, до ног достает, а мне не больно. Только страшно, и все. Я вообще огня боюсь. Как тогда в танке горел, так и боюсь. Ты, сынок, не волнуйсь. Это совсем не страшное... все это обычное, простое, короче, дело. Я как сам понял, так и успокоился. Я даже людей стал слышать и понимать, а то лежал как глухой. Около меня ходят, за мной ухаживают, а я ничего не слышу. Демидушка тут. Ты же знаешь его. Ну, тот самый родич наш.

— Демидушка?! Он живой?! — удивился Олисава.

— Живой и крепкий. Работает здесь. Работает и живет при больнице. Я, когда его первый раз увидел, сам подивился. Думаю, откуда он тут? Даже посчитал, что это я бредить начал. А он, выходит, здесь давно обретается.

— Он жил в городе. Там у него дом.

— Нет, нет! Он тут. Он еще пять лет, как дом тот продал. Живет здесь. За больными ходит, подметает во дворе.

— Так это он здоровался и еще с ним какой-то?

— То Высмерток. И его ты должен знать.

— Как же, как же... Кузьма, кажется...

— Он самый, Дарья была у него, помнишь, бегала?

— Дарья потом у Кормача жила.

— Помнишь, помнишь, оказывается... Потом Дарью увезли куда-то. Где-то есть дом для немых. Там, говорят, она живет как в общежитии, там работает. Они мне как-то приснились: Дарья и Кормач. Пашу я, значит, это, на тракторе, а они бегут по полю. Она вся в крученом паныче, а Витька в белой рубашке навывпуск... Они мне часто после того видятся. Вроде уже и не сплю, а они видятся. То они, то Мария...

Олисава слушал отца, и слезы беспрестанно текли по щекам, жгли веки. И ничего нельзя было сделать с ними. Голос у отца тихий, прерываемый покашливанием; прозрачные детские ручки поверх одеяла... Все это терзало до головокружения.

«Возьми же себя в руки, — одергивал себя Олисава. — Тряпка!» И ничего не мог поделать.

— А то, сынок, как-то втроем ко мне пожаловали: Мария и Дарья с Кормачом... Пошли, говорят, Вовка, что-то покажем тебе... Я им: не могу, мол, идти. Комитас заругает. «Что тебе Комитас? Пойдем, не пожалеешь...» А я тогда еще боялся своей болезни, думал, это они меня на тот свет тащат... Не соглашаюсь. А Мария, ты знаешь ее характер, посмотрела на меня, как бывало: что, говорит, уже не веришь и жене своей? А я ей: какая ты мне теперь жена? Ты там, а я тут. А она: была я тебе жена, ею и остаюсь. Неизменная я у тебя, неизменная... Я тогда не пошел. Так она недавно сама пришла. Села вот здесь, где ты сейчас. Личико — молодое, пригожее. Я и поверил. Как поверил ей, сразу же пропала эта комната. А вроде мы с нею самолетом летим. Вроде летим мы с нею в Сочи, на курорт, как летали однажды. Самолет и не гудит, не тарахтит в нем ничего. Гляжу я вниз, вроде пол в этом самолете стеклянный, и вижу, пролетаем над тем самым озером, ну, ты знаешь, Актуз, там еще станция эта строится... Красиво сверху. Сверкает озеро солью. Я никогда не думал, что оно сверху так на бабочку похоже. Одно крыло в сторону Красных Круч простерто, а другое в сторону Свя-

тынъ. А головка, точно стрелка, прямо на север указывает, прямо на Мужичью Гору. Проскочили мы, значит, озеро, аж до вулкана проскочили. А мне так жалко, что проскочили, серебристая такая бабочка...

— Ты устал, батя! — сказал Олисава и почувствовал, что сам устал.

— Не перебивай. Я должен тебе это рассказать. Мария мне наказала тогда, чтобы я тебе об этом рассказал.

— Кто наказал?! Мама?! — Олисава вздрогнул от этих своих слов.

— Да-да! Она самолично наказала... — Олисава снова кашлянул. — Я, говорит, больше к тебе ходить не буду, беспокоить не стану. Это хорошо, что мы тут с тобой так быстро управились. Это очень тебе надо было, Вова, на все на это сверху поглядеть. А мне надо было тебя успокоить. Вертаемся мы, значит, к озеру. И видно, что не озеро это, а что-то похожее на стекло большое такое, прозрачное, а в этом зеркале вся наша земля как на ладони... Люди ходят, машины ездят, трактора на полях, деревья растут... Ну все как есть. И сидят вокруг озера все наши и смотрят в него, наблюдают, значит, как мы тут управляемся, на земле. Как в телевизор.

— Наши? — переспросил Олисава.

— Да! Все, кто жил тут до нас, и дед твой среди них. Все они как ни в чем не бывало там и сидят. Я подумал еще, куда ж они одеваются, когда станцию построят? Там же другое дело будет. Все там занято будет...

— Ты устал. Давай поедим немного, — прервал Олисава отца.

— Не хочется мне есть. Мне легче, когда я не ем. Спится мне. Ничего мне не нужно.

— Ну ты же охлял совсем, батя!

— А ты как думал?! Не без этого, — с улыбкой ответил Вовка и закашлялся.

Они не заметили, как в палату вошел старый санитар Комитас в сопровождении двух таких же, как он, стариков. В седобородом, прихрамывающем Олисава-младший признал Демидушку. Тот, стесняясь, подошел к Владимиру, обнял его и ткнулся волосатым лицом в грудь гостю. И тут же сел прямо на пол у стены. Кузьма Шагов, к которому с давних пор прикипела кличка Высмерток, кашлянул, тоже протянул руку. Олисава пожал ее — заскорузлую, теплую. Кузьма тоже сел на пол, но возле кровати Вовки. Через минуту он крякнул и зашмыгал носом.

— Ты, этава, — наконец проговорил Демидушка, — закончуй! Неча тут сопель пускать! Иди куды-небудь и хнюпай!

— Я и не хнюпаю! — стал оправдываться Кузьма. — Просто мне Вовку жалко

— Себя, этава, жалеть мастак! — вступил Демидушка.

— Я и себя и других жалею! — не унимался Шагов.

— И что, тебе от этого легче? — в упор глянул на плачущего Высмертка Комитас.

— Не-ет! Ничего не легче. Горе мое неизлечимое. Я думал, что медицина поможет, потому сюда и пришел на поселение.

— Что с ним?! — спросил Олисава.

Комитас махнул рукой, мол, не место об этом, и оглянулся на Вовку, лежащего с закрытыми глазами, порозовевшими щеками... кожей, где были когда-то щеки.

— У него, этава, бесчувственность на теле, — обронил Демидушка, скребя в бороде.

— Что? — поразился Владимир.

— Прогрессирует странная болезнь. Потеря чувствительности. Сначала пальцы рук и ног, теперь голени и руки до локтей.

— Я знаю, знаю... — всхлипывал Кузьма. — Я знаю,

это мне господнее наказание... За грехи мои наказание...

— Все! Довольно! Развел тут мокреть! Никому не нужны эти твои кренделябры! Крепись! Иного выхода у тебя нет, Кузьма!

— Бедняга! — прошептал Вовка. Да так, что все просто замерли. И нельзя было понять, кого Вовка пожалел: просто несчастного Висмертка, маленького человека, или вложил в эту свою фразу нечто большее.

Отшумели высокие весенние ветра. И на склонах Мужичьей Горы — на южных погуще, на северных пореже — появились нежные, невысокие, с мохнатыми ножками голубые цветы сон-травы. Их легко спутать с первыми знаками весны, являющимися на каменистых спинах степных скал цветочками-крокусами, такими же нежно-голубыми сверху, но к донышкам белыми. Отличить их можно по листу. Листья сон-травы похожи на листья пионов или дикой ромашки, а у крокусов листья подснежников. Да еще по тому, что крокусы появляются значительно раньше цветов сон-травы. Крокусы в степи, как подснежники в лесу, — первые, верят в тепло весны, слабое, еще неслышное. На одной лишь вере этой рванутся они в конце февраля — начале марта-к свету и своим призрачным сиянием если и не умножат его, то создадут иллюзию свечения земли. Может быть, именно в такие дни планета наша издали кажется еще голубей! Цветы сон-травы появляются в апреле. Они идут в полной уверенности, что на земле тепло, что будет еще теплее.

В такую пору лежавший с самого новогодья Вовка, утомленный ожиданием, потерявший последнее терпение, давно разучившийся отличать день от ночи, проснулся на рассвете, разбуженный влетевшим в открытую фрамугу пронзительным, всю жизнь звавшим его голосом степи.

— Что же это, а?! — пробормотал он. — Давно пора, а я тут вылеживаюсь...

Взглядом новорожденного он обвел небольшое белое помещение и не узнал его. Дома, в комнате, где он после смерти Марии ночевал, против кровати висел ее портрет. Тут — дверь. Откуда она? Ведь Олисава никогда не делал филенок внутри дома... Вместо этажерки, перекосившейся под тяжестью школьных учебников с первого по десятый класс, приземистая тумбочка. Олисава даже не удивился всем этим странностям. Он, отвлекшийся на несколько мгновений для обзора комнаты, потерял нить, которую ловко пряло невидимое в сумраке веретено — легкое и звенящее. От его стремительного вращения веяло свежим воздухом. Ветерок пахнул сон-травой. Веретено пело. В лицо дуло теплом и рассветом, а нить, держась за которую Олисава должен был что-то сделать, никак не находилась.

Олисава беспокойно задвигал руками. Для этого ему не пришлось напрягаться. Руки плавали над ним, как две белые птичьи шеи.

— Кыш, кыш, кы-ы-ыш! — прошептал Олисава и потихоньку рассмеялся.

Потянулся руками к тумбочке за кружкой. Пить захотелось. Одной рукой подвинуть кружку не смог. Двумя, повернувшись на бок, ухватился. Кружка осталась недвижимой.

— Приколотили ее гвоздями, что ли? — поразился он и перехотел пить. Сел, опустив ноги на пол. Не скрипит! Кто-то, пока он болел, поменял половицу...

И вдруг поймал нитку. Теплая, она щекотала ладони. И Олисава сразу же поднялся и, держась за живой конец пряжи, сделал первый шаг.

Олисава постоял, прислушиваясь к долетевшему в открытый верх окна зову, не спеша осмотрелся, ища обувь. Опустился на коленки, заглянул под койку. Пусто.

«И где же они? Сапоги?..»

Проведший в этой комнате сто дней-страданий, Олисава-старший так и не запомнил ее, воображая себя дома.

Высмерток, ночной сторож райбольницы, сразу же понял, кто вышел. Понял и онемел. Олисава шел мимо него, прикорнувшего было у телефона в мягком кресле. Как ни в чем не бывало шел Олисава. Тот самый Вовка, что уже недели три не открывает рта, чтобы сделать глоток воды, тот самый, под которого давно не подставляли судна, тот, кончину которого печально ждали все.

— Земляк! Земеля! — сипато окликая проходящего мимо Олисаву, поднялся Высмерток. — Ты куда эта?!

— Надо, понимаешь ты, — не останавливаясь, шлепая по теплomu деревянному полу длинного коридора, ответил Олисава.

— Та куда же тебе надо?! — двинулся за ним Высмерток.

— Надо пройтись. Подошвы аж чешутся, так надо... — сказал Олисава и толкнул дверь на крыльцо.

Высмерток побежал, задыхаясь, следом, потому и успел увидеть. Олисава сошел с крыльца, пересек двор и растворился в теплом рассвете...

Высмерток потерянно опустилсЯ на мокрые от утренней росы ступени крыльца...

Вовка спешил. Он привык спешить в этот час к трактору. Он знал, где в такое время весны находится его трактор. Вовка перевалил Мужичью Гору, прошел под тремя высоченными яворами. А когда оказался у подножия вулкана, увидел: из мягкой, словно застывший холодец, вершины вулкана вываливается солнце. Теплое,